

Мезоакторы, преобразующие социальные институты

Р.М.Нуреев,
доктор экономических наук,
Государственный университет —
Высшая школа экономики

Институциональные условия становления современной российской фирмы

**Легальный сектор: потеря старого мира
без приобретения нового**

Нерыночное приспособление к рынку. Проблема адекватности проектов реформ российским реалиям была осознана далеко не сразу. Всем казалось, что законы становления рыночного хозяйства везде одинаковы, и никто не изучал степени подготовленности различных институтов к радикальным реформам в экономической, социальной и политической сферах. Культурные стереотипы россиян не способствовали рыночным реформам, скорее их тормозили, а главное, вообще не были объектом изучения специалистов. Институциональные предпосылки модернизации экономики попали в поле зрения экономистов-реформаторов гораздо позднее.

Между тем учет национальной ментальности чрезвычайно важен в процессе трансформации экономики. Российская экономическая ментальность формировалась веками. Она характеризует специфику сознания населения, складывающуюся исторически и проявляющуюся в единстве сознательных и бессознательных ценностей, норм и установок, отражающихся в поведении населения. Исходя из разделяемых ими ценностей, люди либо принимают, либо отвергают новые социальные нормы. Общеизвестно, что российскую экономическую ментальность можно охарактеризовать как коммунальную, общинную, рассматривающую человека как часть целого. Важную роль в России всегда играли процессы *реципрокации* и *редистрибуции*. Православие нормативно закрепило перераспределительные обычаи крестьянской общины. Оно же раз-

вывало склонность к смирению и покорности и препятствовало выделению индивида как автономного агента, абсолютизируя моральные ценности в противовес материальным. Отсюда низкие ранги активно-достижительных ценностей в современной России.

В русской культуре успех — это прежде всего удача и следствие везения (плюс наивная вера в быстрое обогащение), а не результат длительных собственных усилий; скорее результат личных связей, чем следствие объективных процессов. Накопительство и собственность часто рассматриваются в национальной культуре не как положительные, а как отрицательные ценности. Свобода трактуется не как независимость и самостоятельность, а как возможность делать что хочется (в духе анархии и своеволия). Неудивительно, что *реакцией значительной части населения на трудности перехода к рыночной экономике стало не приспособление к ней, а бегство от нее.*

Неудача экономических реформ в России по рецептам неоклассического "Экономикса" доказала невозможность модернизации постсоветской экономики без ясного понимания стратегических целей развития и учета ее социокультурных особенностей.

В процессе преобразования российской экономики произошло столкновение новых формальных правил со старыми неформальными правилами, и новых неформальных правил со старыми формальными¹. В результате сложилась ситуация безусловного преобладания неформальных отношений над формальными. Разрушение старых формальных регуляторов открыло широкие возможности для их заполнения неформальными отношениями. Между тем новые неформальные отношения не были отношениями чисто рыночного свойства, они несли на себе социокультурный отпечаток предшествующего развития.

Произошло укрепление личных связей в ущерб вещным, персонифицированного обмена в ущерб неперсонифицированному².

Анализируя социальную адаптацию населения к рынку, можно выделить две группы проблем.

Первая связана с расширением формальных свобод и прав, проблемой их институционализации, а также фактическим сужением социальных и экономических возможностей. Формирование новых жизненных стратегий и изменение массового сознания населения отражает обе эти тенденции. В условиях трансформационного спада сужение экономических свобод оказало более сильное действие, чем расширение свобод социальных и политических. К тому же многие понимают свободу односторонне — как приобре-

¹ Подробнее см.: Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономические аспекты) / Под ред. Р.Нуреева. М, 2000. С. 14—20

² Подробнее о соотношении личной и вещной зависимости см.: Нуреев Р.М. Политическая экономия. Докапиталистические способы производства. Основные закономерности развития. М.: МГУ, 1991. Гл. 2.

тение новых прав и благ без потери старых возможностей и гарантий. Большинство населения не видит глубокой взаимосвязи понятий "свобода — самостоятельность — ответственность". Хотят свободы, но без ответственности и самостоятельности, со всеми вытекающими из них последствиями.

Все это привело к парадоксальному явлению не только невосребованности новых прав, не только разочарования в них (вследствие непонимания их природы), но даже отчуждению от них широких слоев населения, особенно в депрессивных регионах. Многие поборники свободы недооценивали ее предпосылок — самостоятельности и ответственности индивидов, которые резко возросли в условиях ограниченности ресурсов усиленных гиперинфляцией и гигантским падением производства. В этих условиях большая нагрузка ложится на государство. Однако государство оказалось не только не в состоянии защищать провозглашенные им самим права, но, наоборот, встало на путь их систематического нарушения. Отсутствие надежных институциональных гарантий гражданского общества привело к росту произвола властей всех уровней — от низового звена до государства в целом. В современных условиях власти разных уровней сами часто нарушают установленные законом права граждан и даже поддерживают друг друга, осуществляя неправовые акции (незаконное расходование бюджетных средств, продажа на заведомо невыгодных условиях объектов государственной собственности, заключение заведомо убыточных для России международных договоров и др.).

Отклонение от правовых норм стало своеобразной нормой поведения, а следование им — исключением. Резко возрос разрыв между декларируемой, желаемой и реализуемой свободой. Все это создало предпосылки для криминализации общества, для становления и развития *неправовой* свободы. Для общества стало характерным преобладание пассивных форм адаптации над активными, отказ от использования появившихся законных прав и свобод, воспроизводство отношений с работодателями на более зависимой и бесправной основе, чем в дореформенный период. Выживание в неправовом социальном пространстве стало возможным только путем систематического нарушения общественных норм. Чтобы выжить, многие вынуждены утаивать свои истинные доходы. Поэтому отклонения от социальных норм, *нарушение новых формальных правил становятся новым неформальным правилом.*

Вторая группа проблем связана с анализом особенностей адаптации российского населения к рынку в условиях маргинализации общества. Одна из важнейших особенностей заключается в том, что этот переход происходит в условиях глубокого трансформационного спада, который приводит к не востребованности новых социальных прав и возможностей, возникающих в процессе перехода к открытому обществу. Затянувшийся трансформационный

спад способствует усилению социально-экономической зависимости населения от меркантилистского "государства всеобщего перераспределения". Государство больше не гарантирует не только доход, обеспечивающий достойный уровень жизни, но даже доход в размере прожиточного минимума. Исчезли гарантированные ранее государством всеобщая занятость, отсутствие угрозы безработицы. Страх потерять работу стал важным элементом усиления экономической зависимости.

Типичными становятся понятия "опекун" и "опекаемый". В массовом сознании сохраняется надежда на опеку, ожидание помощи и покровительства со стороны "сильных мира сего", стремление переложить ответственность за свою судьбу на чужие плечи. Ради этой опеки люди готовы отказаться от "голодной" свободы, обменяв ее на состояние "сытого" подчинения. Однако в условиях трансформационного спада "манна небесная" не выпадает, а возможности легального трудоустройства в значительной мере сокращаются. Все это приводит к поляризации общества, росту социальной напряженности и маргинализации экономически активного населения.

Экономика физических лиц, патернализма и бартера. Так как в процессе приватизации большая часть государственной собственности перешла не к аутсайдерам, а к инсайдерам, то в России не возникло эффективного частного собственника. Это в значительной мере предопределяет инерционность традиционной экономической системы, медленные темпы и мучительные формы перехода к рыночной экономике, а также объясняет внутренние причины глубокого трансформационного спада при переходе от командной экономики к рыночному хозяйству.

Большинство руководителей предприятий не имеют долгосрочных планов развития производства и даже конкретных бизнес-планов по привлечению инвестиций, в которых остро нуждаются. Отсутствие стратегии поиска эффективных партнеров приводит к тому, что для многих предприятий типична адаптация, а не трансформация традиционных форм, приспособление, а не развитие производства, защита, а не наступление. Отсюда следует неэффективная маркетинговая политика большинства предприятий, стремящихся даже в условиях благоприятной конъюнктуры к продвижению традиционной продукции на традиционном рынке. А так как даже эта продукция не всегда находит сбыт, возникает бартер как форма существования неэффективной экономики. В целом в деятельности предпринимателей краткосрочный аспект преобладает над долгосрочным, а мотив личного обогащения доминирует над целями развития производства.

Бартерная экономика противоположна денежной не только по форме, в которой существует конечная продукция (натуральная — товарная). Денежная экономика позволяет осуществлять инвестиционные проекты с большим лагом во времени и с привлечением

огромного числа хозяйствующих субъектов. Она развивает фьючерсы, опционы и другие финансовые инструменты, которые способствуют быстрому и эффективному переливу капитала, перераспределению средств в пользу лучше хозяйствующих фирм. Без денег нельзя эффективно пополнить капитальные запасы. Без денег невозможен эффективный научно-технический прогресс.

В условиях бартерного хозяйства отсутствуют средства для реализации больших инвестиционных проектов. Поэтому происходит старение основных фондов и увеличивается техническое отставание. Неудивительно, что именно такие процессы наблюдаются в России в настоящее время. Износ основных фондов промышленности превысил в 1997 г. 50%. По расчетам А.В.Алексеева, средний возраст оборудования достиг 15,9 лет и если положение не изменится, то средний фактический срок службы его будет составлять почти 32 года¹.

Бартерные связи, по определению, имеют локальный характер и закрепляют хозяйственные связи между определенными субъектами. В отличие от денег, являющихся "космополитами", бартерные связи не только носят "национальные костюмы", но и замкнуты на конкретные регионы. Поэтому бартерное хозяйство, по определению, является дезинтегрированным, создает предпосылки для воспроизводства локальной замкнутости, усиливает центробежные тенденции в современной России, подогревает региональный сепаратизм.

Денежные связи являются открытыми, а бартерные связи — скрытыми. В условиях денежного хозяйства трудно скрывать свои доходы, бартерная экономика, наоборот, помогает становлению и развитию "экономики физических лиц"². Данный феномен описывает обособление личных интересов от интересов фирм, личного богатства от собственности предприятий. Возникает парадоксальная ситуация, когда многие сделки заключаются в интересах отдельных лиц в ущерб интересам фирм, даже если эти лица — полноправные владельцы этих фирм. Бартерная форма позволяет скрыть истинный характер подобного рода сделок. В России до сих пор сохраняется средневековый принцип отношения к своей фирме как к должностному владению. А так как в водоворотах переходного периода (в силу экономических или политических причин) оно может быть потеряно раз и навсегда, забота о личной собственности оттесняет на задний план заботу о собственном предприятии.

Большинство населения относится негативно к крупным новым частным собственникам, видя в бизнесменах не трудолюбивых производителей, честно наживших свои огромные состояния, а алчных хищников, отнявших собственность у ослабевшего

¹ Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ). С. 100.

² Подробнее см.. *Клейнер Г.* Современная экономика России как "экономика физических лиц" // Вопросы экономики. 1996. № 4.

государства или награвивших ее у своих соотечественников. Негативный имидж "новых русских" устойчиво воспроизводится, что подтверждают многочисленные социологические опросы¹. По мнению многих россиян, обман покупателей и продавцов является правилом, а честный бизнес — исключением. Такое представление отнюдь не лишено оснований. Дело в том, что снятие административных ограничений сделало явным то теневое предпринимательство, которое существовало в советской России. Между тем оно отнюдь не равнозначно классическому рыночному хозяйству. Теневая экономика, существовавшая в СССР, несла на себе черты непродуцированной жадности наживы любой ценой, сложившейся в порах восточного деспотизма.

В России не было Реформации и Просвещения, которые в Западной Европе осудили позднефеодальное стяжательство, т.е. делание денег любыми (в том числе самыми нечестными) средствами и защитили раннекапиталистическое предпринимательство, т.е. производство богатства в соответствии с законами рынка. В условиях отсутствия институциональных ограничений освобождение российского предпринимательства от государственных запретов было воспринято как разрешение делать деньги любыми средствами, т.е. в первом, а не во втором смысле.

Неудивительно, что российский бизнес приобрел криминальный и аморальный оттенок. Возникает своего рода порочный круг: поскольку "новый русский" олицетворяет в глазах сограждан жулика, то у него отсутствуют нравственные ограничения. Осужденный общественным мнением, он совершает такие поступки, которые соответствуют его образу в глазах обывателей.

Важную роль в воспроизводстве бартерной экономики играют естественные монополии. Через них государство связано с многочисленными неэффективными предприятиями. Предоставляя руководству естественных монополий привилегию реализации природных ресурсов за рубежом (фактически без рентных платежей), государство взамен заставляет их фактически бесплатно снабжать этими ресурсами неэффективные предприятия (оплата растянута на неопределенный срок или производится продукцией предприятий, которую почти невозможно реализовать на открытом рынке). Полученные таким путем ресурсы используются предприятиями для производства ненужной продукции, реализовать которую можно только по бартерным цепочкам. Это наглядно доказал последний кризис 1998 г., когда почти пятикратная девальвация рубля к доллару не решила проблему конкурентоспособности продукции подавляющего большинства отечественных производителей. Дело оказалось не в нехватке денег, а в не востребованности рынком производимой продукции.

¹ См., например: Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: Транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998.

В условиях неразвитой банковской системы возникает своеобразная проблема двух дефицитов: сбережений и платежного баланса. Первый тип дефицита связан с тем, что уровень доступных для промышленности сбережений гораздо меньше объема инвестиций, необходимых для развития производства. Уровень сбережений, мобилизуемых банковской системой, находится на чрезвычайно низком уровне в силу падения доверия населения к существующим финансовым институтам. Это приводит к тому, что высокая склонность к сбережениям реализуется индивидуально главным образом в форме накопления иностранной валюты, недвижимости и других неликвидных форм, не аккумулируемых финансовыми учреждениями. В этих условиях единственным источником накопления становятся иностранные займы, что приводит к торговому и платежному дефициту, когда объем импорта значительно превышает объем экспорта. На поверхности виден лишь процесс ввоза иностранного ссудного капитала в Россию, тогда как глубинные процессы вывоза капитала из России осуществляются в значительной мере нелегально и не фиксируются официальной статистикой. Возникает порочный круг, своего рода институциональная ловушка: чем больше средств необходимо для покрытия дефицита текущего платежного баланса, тем больше потребность во внешних займах для покрытия платежного дефицита. Однако чем больше внешние займы, тем больше платежные дефициты в будущем, тем в большую зависимость от зарубежного капитала попадает страна.

Положение ухудшается из-за того, что государство не имеет эффективной индустриальной политики, которая бы поддерживала ростки нового и эффективного, создавала благоприятные условия для экономического роста. Наоборот, деятельность современного российского государства заставляет вспомнить эпоху меркантилизма. Российское государство занимается главным образом функциями перераспределения, причем такого, которое не благоприятствует развитию производства, а тормозит его, так как имеющиеся ресурсы перераспределяются от лучше хозяйствующих предприятий к худшим. За счет первых не только собираются налоги, но и происходит дотирование неэффективных предприятий, которые налоги, как правило, не платят. Все это приводит к сокращению эффективно хозяйствующих производств, подталкивая руководителей предприятий к расширению нелегальной хозяйственной деятельности.

Нелегальный сектор: ростки новых отношений под грудой развалин

Поскольку бюрократическое регулирование наиболее велико в развивающихся и переходных экономиках, то именно там масштабы теневой экономической деятельности оказываются самыми громадными.

Кто виноват? Ситуация, описанная перуанским экономистом Эрнандо де Сото в книге "Иной путь: невидимая революция в третьем мире", как две капли воды похожа на процессы, происходящие в современной России. Де Сото в своей книге предлагает оригинальную классификацию транзакционных издержек на основе критерия "легальность — нелегальность".

Первую группу он называет "ценой подчинения закону", т.е. издержками законопослушного поведения. Предприниматель в легальном бизнесе должен нести единовременные "издержки доступа", связанные с получением права заниматься определенным видом экономической деятельности. А получив официальную санкцию на свой бизнес, он должен постоянно нести издержки "продолжения деятельности в рамках закона": платить налоги и социальные платежи, подчиняться бюрократической регламентации производственных стандартов, соблюдать обязательные нормы при руководстве персоналом, нести потери из-за неэффективности судопроизводства при разрешении конфликтов или взыскании долгов.

Делая выбор в пользу нелегальной организации, предприниматель избавляется от "цены подчинения закону", но зато вынужден оплачивать "цену нелегальности". В эту вторую группу транзакционных издержек входят "цена уклонения от легальных санкций" (риск поимки и наказания частично снижается взятками как особой формой страхования), издержки, связанные с трансфертом доходов, повышенные ставки на теневом рынке капиталов, невозможность участвовать в наукоемких и капиталоемких областях производства, относительно слабая защищенность прав собственности, "цена невозможности использовать контрактную систему" (опасность нарушения деловых обязательств) и недостаточная эффективность внеконтрактного права.

Отсутствие легально зафиксированных прав собственности приводит к неэффективному хранению и использованию нелегалами своих ресурсов. К тому же они не могут свободно отчуждать свою собственность или использовать ее в качестве залога. Их коллективные организации, к сожалению, неспособны полностью компенсировать отсутствие легальных прав собственности.

Возникает своего рода порочный круг: рост теневого сектора приводит к сокращению легального. При сохранении уровня общественных расходов это означает необходимость увеличения налогов на легальный бизнес, что приводит к растущей привлекательности теневого сектора и т.д. Налоги на легальную деятельность распространяются на крупный и крупнейший легальный бизнес, скрыть деятельность которого от налоговой инспекции государства невозможно. Однако поскольку этот сектор является основным источником доходов государства, он, используя политическое лобби, стремится уменьшить налоговое бремя, добиться для себя различных экономических привилегий и налоговых льгот. Если эта тактика приводит к успеху, то происходит ограничение конкуренции и со-

здается искусственная среда для функционирования легального сектора. Таким образом, увеличение налогов приводит к снижению эффективности легального сектора и еще больше увеличивает разрыв между ним и конкурентной теневой экономикой.

Ситуация в России гораздо сложнее: выделить чисто легальный и чисто нелегальный сектора экономики довольно сложно. Почти на каждом предприятии, в той или иной пропорции, присутствует и легальная, и нелегальная деятельность. Российская экономика скорее "двухполюсная", чем двухсекторная. Это, однако, не избавляет нас от необходимости исследовать эти процессы в чистом виде, так как увеличение нелегальной деятельности сужает сферу легальной, и наоборот. При этой оговорке подход Эрнандо де Сото вполне применим и к нашему обществу. Э. де Сото проводит различие между хорошими и плохими законами. "Хороший закон, — пишет он, — гарантирует и повышает эффективность экономики и общественной деятельности, им регулируемой, а плохой разрушает или полностью ликвидирует и то, и другое"¹. То, что значительное большинство населения выбрало теневой сектор, а меньшинство использует свой капитал за пределами страны, наглядно свидетельствует о том, что господствующие в ней законы — плохие.

Почему же в России господствуют плохие законы? Дело в том, что правительство занято главным образом перераспределением имеющихся доходов, а не созданием нового богатства. Поэтому лучшие умы страны и энергия предпринимателей расходуются не на достижение реального прогресса, а на ведение перераспределительных войн. В результате нет равенства людей перед законом, потому что одним законы сулят привилегии, а другим они не доступны. Между тем "развитие возможно лишь в том случае, если действенные правовые институты достигаемы для каждого гражданина"².

Большинство законов государства принимается органами исполнительной власти с нарушением или в обход элементарных демократических процедур и публикуется в такой печати, которую никто никогда не читает. "Процедуры эти зависят от каждого министра" и при смене начальства изменяются вновь и вновь. "Наши законы нестабильны и непредсказуемы, ибо зависят от того, кто выиграл перераспределительную войну"³. В стране, где закон можно купить, где можно быть щедрым за чужой счет, пышным цветом расцветает коррупция. Чем обширнее система регулирования и контроля, тем ниже перемещается принятие решений и реальная возможность активно воздействовать на механизмы перераспределения. Поэтому власть становится исключительным достоянием самых мелких бюрократов, не брезгающих ничем.

¹ Сото Э. де. Иной путь. М, 1995. С 227

² Там же. С. 233.

³ Там же. С. 245, 247.

Что делать? Нетрудно заметить, что российские экономические проблемы, в сущности, не так уж далеки от тех, которые приходится решать в латиноамериканских странах. Рост нелегального сектора воспринимается многими односторонне — лишь как деградация национальной экономики. Однако, как показывает опыт развития, наша страна страдает не столько от чрезмерного, сколько от недостаточного развития рыночных отношений. В таком случае в развитии теневого бизнеса следует видеть не только признаки болезни, но и начала выздоровления. Что же нужно сделать? С точки зрения де Сото, необходимо приблизить правовую систему к действительности. Для этого необходимо решить институциональные проблемы как в краткосрочном периоде, так и в долгосрочном, как в настоящем, так и в будущем.

В краткосрочном периоде наиболее актуальной является ликвидация препятствий, мешающих интеграции легального и теневого секторов, создание единой правовой и экономической системы, исключающей дискриминацию. Это предполагает три меры: **упрощение**, т.е. оптимизацию функционирования правовых институтов путем устранения дублирующих и ненужных законов; **децентрализацию**, т.е. передачу законодательной и административной ответственности от центрального к региональным правительствам, с тем чтобы приблизить власти к реальной жизни и насущным проблемам;

дерегулирование, т.е. рост ответственности и возможностей для частных лиц и сужение их для государства.

В долгосрочном периоде необходимо изменить сами процедуры принятия новых законов, чтобы не повторять ошибки прошлого. Это предполагает:

публикацию законопроектов для их свободного обсуждения; **анализ законопроектов в терминах "издержки-выгоды"**, с тем чтобы оказать дисциплинирующее воздействие на правительство и отвергнуть несовершенные законопроекты еще до их публикации. Только при таких условиях "люди почувствуют вкус к независимости и поверят в плодотворность своих усилий", т.е. "смогут поверить в себя и в экономическую свободу"¹.

Не следует думать, что де Сото призывает к абсолютизации принятых законов. Я, как и де Сото, далек от юридического фетишизма и поэтому считаю, что важно не только принятие хороших законов, но прежде всего обеспечение их реального воплощения в жизнь. Без эффективной системы их реализации, без принуждения (enforcement), даже самые лучшие законы вряд ли заработают в России. Однако принятие таких законов — необходимая, но не достаточная мера.

Следующим шагом является создание таких условий, которые У.Нисканен назвал "мягкой инфраструктурой". Введенное им понятие означает увеличение экономических прав человека (укреп-

Сото Э. де. Указ. соч. С. 317.

ление доверия, прав собственности, честности и ответственности при выполнении контрактов, повышения терпимости к инакомыслию, обеспечение гарантий прав меньшинства и т.п.) и создание таких неформальных "правил игры", без которых невозможно функционирование рыночной экономики.

Важно последовательно проводить различия между позднефеодалным стяжательством и раннекапиталистическим предпринимательством, т.е. деланием денег путем надувательства и обмана и деланием их в соответствии с законами рынка и конкуренции. Необходимо создание такой атмосферы, при которой большинству участников рынка станет выгодно не стяжательство, а предпринимательство. Только при обеспечении таких правил игры заработают "хорошие законы".

Сложность ситуации заключается также в том, что негативные количественные изменения, накапливаясь, переходят в новое качественное состояние. Возникают так называемые "институциональные ловушки"¹, приводящие к тому, что дальнейшее развитие начинает идти не в сторону рынка, а в направлении псевдорыночных форм и воспроизводства неотрадиционных отношений².

Какие же следует сделать выводы? Нам необходимо понимание, какую систему экономических связей мы хотим создать, какие инструменты проведения реформ можно использовать в конкретных условиях современной России. Общество предъявляет экономистам социальный заказ на разработку российской модели смешанной экономики. Создать такую модель можно только при ясном понимании ее сходства и отличия от других моделей развития экономики. При этом важно не совершить ошибку, противоположную первоначальной, а именно не преувеличить степень отличия российского хозяйства от зарубежных моделей.

Надежды построить преуспевающую рыночную экономику за ближайшие "500 дней" — бесполезная и вредная иллюзия. Рыночная модернизация экономики России — длительный процесс, и нам надо найти в себе мужество научиться самим и научить других жить в этих непростых условиях. В связи с этим резко возрастает роль экономического образования вообще и экономической науки, в частности.

Идеи теории развития представляют огромную ценность для современной России. Особенно это относится к институциональным концепциям, которые в нашей стране пока еще слабо известны не только широкой общественности, но даже специалистам. В связи с этим первостепенной задачей экономистов должны стать их изучение и максимальная популяризация.

¹ Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. Вып. 2. <<http://www.cemi.rssi.ru/publicat/e-pubs/ep99001.zip>>.

² См., например: *Ericson R.E. The Post-Soviet Russian Economic System: An Industrial Feudalism?* // <<http://www.hhs.se/site/Publications/No140-web.pdf>>.